

Илья ГУЛЯЕВ

Из биографии

Окончил в Ростове-на-Дону среднюю школу, затем физико-математический факультет университета. Специального литературного образования не имеет. Перед самой войной заочно учился в Московском институте философии, литературы и истории. В 41-м призван рядовым, а год спустя после окончания артиллерийского училища назначен командиром батареи. На фронте — до февраля 1945 года. Награжден двумя орденами. В звании капитана был арестован (в его письмах была прослежена критика Сталина). Приговорен к восьми годам заключения. В 1957 году реабилитирован.

Вес. Москва. — 1999. — 19 июня. — с. 7

Солженицынские истоки

Солженицын все время живет с мыслью о родной Земле. И хоть досталось ему на ней и изгнан был из ее пределов, он вечно в думах о ее горе, ранах, судьбе. На всех ветрах могучий дуб... Восемьдесят колец времени, восемьдесят колец Праведника, и я всматриваюсь в них, составляющих жизнь, многим россиянам вовсе не известную.

Владимир ЧЕРТКОВ

...Офицеры материли Солженицына. В вагоне навряд ли кто знал это имя, вдруг объявившееся в «Новом мире», тем более в этом ночном вагоне, бегущем по только что уложенной колее от Ивделя к Оби. Малочисленный штатский люд думал: «Энкаведзиники пощупают своего сослуживца». Поезд шел в зоне лагерей по рельсам начала 60-х и ехали в нем те, кто правил местными зеками, и вот в их мозгу не укладывалось, что кто-то, а не они, стал по-всевластивому поступками подневольных людей. Может, это сильно сказано — поступками, но началось брохение умов, и человек, брошенный на колени, неожиданно начал подниматься в рост. И меньше стало заискивающих взглядов, к которым так привыкли, ощущая свою силу, эти офицеры в русской форме.

— Чего он там такого написал? Как бы почитать — ведь не достаешь...

— Один день зека-психа — не то Ивана Даниловича, не то Ивана Денисовича.

— Денисовича...

— Переплет стальной сделали, сухи, чтобы, значит, не затрапалась книжка, и передают ее под большой залог, из отряда в отряд. Читают взахлеб, сволочи.

— И я ее тоже взахлеб, ночь напролет... Но это что же выходит — все, на чем стоим, всплыл, на обозрение, точно в цирке, мать его...

— Не у нас ли он сидел... Эх, знать бы заранее...

Вагон подбрасывало на плохо подогнанных стыках. Коптили свечи в фонаре под потолком, кто-то блевал, кто-то с жуткого похмелья стучал по баку прикованной к нему цепью кружкой, проверяя наличие влаги, кто-то выл: «Шапку укради, отдай!»

Вагон был «элитный», куда не вехи пускали. Здесь хоть не дрались и не грозили «заточкой». У входа сидел, охраняя нас, мешковатый солдат. И было ясно, что в этом вагоне места для Александра Исаевича не существовало. Он болтался где-то на подножке, и в этой черной ночи со свечным огнем кто-то остервело, яростно разжалмал его пальцы, вцепившиеся в поручни вагона, вовсю стараясь, чтобы он полетел под откос, в болото приобской тайги. Снова?

Он был для нас просто человеком из России. А кто он, откуда, в какой среде род — ничего не знали, да особенно и не задумывались тогда над этим, на одном дыхании читая «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор». Была жизнь, нам не ведомая, страшная, и была жизнь, текущая вроде как за перегородкой, до нас доносились ее голоса, но мы словно ничего не слышали. И многие прятали написанное Солженицыным, боясь скорой расправы за вольнодумие; к раскрепощению умов призывали писательские строки, и не какие-то там подпольные — это, скорее всего, и воспринималось настороженно. Но к доброму. В нашей проржавевшей системе появился механизм совсем другого голоса, который выпадал из общего кукарецанья, а кто это позволит кричать, когда еще все спят.

Таисия Солженицына, мать писателя, приехала из Сабли рожать в

Кисловодск. Будущий лауреат Нобелевской премии объявился в этом мире на улице Пушкина (позже переименованной в Богдана Хмельницкого) в доме своего дикого и свирепого деда — Захара Щербака, местного дачевладельца. К сожалению, дом, в котором родился Александр Солженицын, не сохранился — его снесли где-то в семидесятых годах. Так что памятную доску цеплять некуда — хлопот, выходит, никаких.

Он еще наведается сюда, обязательно наведается, Александр Исаевич. Сойдет с поезда и невольно вскинет голову — да, да, там, чуть повыше перронра его родная улица. И он устремится к ней. Пойдемте и мы за ним, видя впереди его спину. Ага, так оно и есть... Если раньше говорили: «Смотрите-ка, Федор Иванович Шаляпин шествуют!». То теперь услышим: «Здравствуйте, Александр Исаевич, полной груди вад родного воздуха!». Не скучеет талантами земля русская. Только вот цветы на могилы часто везем в Париж или еще куда...

Один местный, кисловодский искусствовед Борис Матвеевич Розенфельд рассказал мне об исчезнувшем архиве Марии Васильевны Крамер, очевидно, очень близкой подруги матери Александра Исаевича. Она умерла с десяток лет назад в Пятигорске и будто бы перед смертью уничтожила рассказы, письма, фотографии Солженицына.

— Я познакомился с Крамер случайно в конце шестидесятых и стал бывать у нее, — поведал Борис Матвеевич. — Она-то и показала мне дом, где родился писатель, познакомила с некоторыми его произведениями, за что на нее озлился Солженицын. Тем не менее он очень вежливо ответил на мое письмо, в котором я просил уточнить место его рождения («Уважаемый Борис Матвеевич, я действительно рожден в Кисловодске и невольно люблю его за это»).

— А что-нибудь из имевшегося у Крамер вы переписали?

— Стихи, сочиненные в заключении, рассказы «На родине Есенина», «Захар — Калита», «Крестный ход», «Старое ведро»...

Крамер, Крамер... Не о ней ли, как подруге своей матери, выведенной под именем Ксении, упоминает Солженицын в «Августе четырнадцатого»: «Когда Ксения приезжала на каникулы домой, ее приводила в ужас атмосфера невоспитанности в семье. Однажды она привезла с собой Союю (свою подругу-еврейку), ее глазами еще острее ощутила всю эту неотесанную первобытность и чуть не скорела от стыда».

...Я вошел во дворик с виду очень домашней — так и хочется привалиться к ней плечом — голубой церкви. Шла служба. И притиснувшись туда, внутрь, поближе к теплу голосов хора не представлялось возможным — народу уже было плотно и на ступенью взгорка входа в храм. В возрожденный храм. И представилась эта картина, резкими штрихами нарисованная Солженицыным. Застывший перст на старушечьем лбу, чье-то испуганное: «Боже...» Недоговоренная молитва... И будто меня кто-то в спину толкнул, мол, посторонись, ишь, сопли развесил. Малевали на стенах: «Религия — опium для народа». Под корень ее, под сам... Завтра и колокола наземь.

«Первое впечатление всей моей жизни, — пишет Солженицын, — мне было, наверно, года три-четыре: как в кисловодскую церковь входят остроголовые (чекисты в буденовках), прорезают обломавшую, онемевшую толпу молящихся и прятавших в шапках, прерывая богослужение, — в алтарь».

Конечно, еще многое могла бы рассказать Ирина Щербак. Но я не успел и к ней. Хотя умершую, которая держала десятка три кошечек, еще хорошо помнили соседи. Они и подкармливали старуху, когда-то унаследовавшую миллионное со-

«Да разве можно так осквернять прах предков ваших!» На могилах в карты играют, блюют с перепоя, а мы потом о каком-то нравственности... Проиграли ее вот на таких дедах, в пух проиграли.

Заглянул в местную церковь, может, по регистрационным книгам могилку Таисии Захаровны сыщут. Не получилось. Узнал, что и Щербак не помогла бы мне. Ее соседка с начала тридцатых годов В. П. Кондакова как-то предложила: «Давайте навестим Таисию». А Ирина Ивановна в ответ клятвенно: «Вот те крест, не помню места!»

В тот же день я поехал в Саблино, что в Александровском районе. Правда, село чаще зовут более выразительно — Сабли. Именуют

полгода

после этого трагического случая.

А вскоре на плечи Семена Ефимовича обрушилось новое несчастье: умер сын Василий, оставил после себя дочку Ксению. Вот таким нерадостным получился для Солженицыных 1918 год.

Таисия Захаровна не часто, но появлялась в Сабли. И первым долгом заглядывала к матери Ксении. Объединяли их печаль и по потерянным мужьям, и радость — малые дети.

Когда Ксения исполнилось одиннадцать лет, ее приняли в колхоз. Словом, дали работу. А братья с голодухи померли. Думала, что и самой скоро конец; не в поле же жить — дом отобрали. Но тут восемнадцатилетней девушке сделал предложение Тимофей Загорин. Стали вить собственное гнездо. Да не успели — началась Великая Отечественная. Муж с фронта не вернулся. Ксения Васильевна всю себя отдавала колхозу. Хранит удостоверение победителя социалистического соревнования. У нее три таких книжечки.

Когда Александр Исаевич жил в США, Ксения Васильевна приложила немало сил, чтобы найти адрес двоюродного брата. Просила о помощи советский Красный Крест, но там развели руками. Помог случай. Как-то к ней заглянул поэт Александр Марков, который и переправил ее весточку в США. И вскоре, в 1989 году, оттуда пришел ответ: «Дорогая сестра Ксения! Очень рад был твоему письму. Я так и догадывался, что ты за меня много претерпела...»

Да, Ксения Васильевна не стала скрывать от брата, что одно время после февраля 1974 года, когда указом Президиума Верховного Совета СССР писатель А. И. Солженицын был лишен гражданства, к ней в дом частенько наведывались «искусствоведы в штатском», косились на иконы, высматривали: не имеет ли каких-нибудь вестей от «родственника». Ничего полезного она им сказать не могла, но такого рода визиты рождали чувство внутреннего протеста. Только как его выразить? И старая крестьянка-колхозница отказалась от мужинской фамилии, вернула себе девичью — Солженицына. Да при выписке паспорта ее «нечаянно» написали с ошибкой: Солжаницина. Буковки попутали: вместо «е» поставили «а». Сына Владимира «законспирировали» еще основательнее. У него в документах значится — Салжаницин. Вот так они поддержали родственника-изгоя. А ведь кто-то из родни фамилии испугался. Некоторые даже сменили ее. «Наверное, теперь жалеют», — предполагала Ксения Васильевна.

А еще через несколько месяцев пришло письмо от жены писателя.

Благодаря этим письмам она почувствовала живое, родное сердце, страдающее, отзывчивое, живущее большой надеждой — вернуться на родину. А то ведь знала о нем не больше остальных.

Боль, которая проникала в нас, исходила из всех Солженицыных, когда они говорили о земле. Ее отняли у них, как у матери — любимое дитя, как у мужа — жену, без которой не мыслишь жизни, как кусок хлеба, самый вожделенный, ибо он сотворен тобой — то колоска до горячего каравая. Земля была всем существом их, не частью, не крупцей помыслов и дум, а тем огромным понятием, без чего все остальное — какое-то приложение к человеческой жизни. От того-то и сшибаем куски по свету, что искоренили на земле хозяина. Что земля у нас стала подобием общего котла, а люди хотят есть из своих тарелок. И еще мало этого... Повырывают хлеборобы да скотоводы, точно съязвят благополучие долголетние растения, а что получили? Рожон в зубы. Стала наша земля напоминающей пустой, неухоженный дом, и посмотрите, сколько окон в России без палисадников и кустов сирени, сколько скучающей без яблоневого цвета земли...

Собрал ядренную антоновку хозяин, бросил ее в заплечную торбу, перекрестился на отнятый у него дом и двинулся под конвоем в дальнюю дорогу с припрятанной надеждой, что и в том, незнакомом и чудном для него месте вырастит пахучую антоновку, выпестованную его дедами и прадедами.

И когда настала недолгая оттепель, из всех Солженицыных, отрынутых от родного порога, потянуло на Ставропольщину — к своей колыбели. Приехала сюда и Вера Константиновна Щербакова, двоюродная сестра писателя. Схоронила на Урале отца с матерью, скиталясь по чужим людям, полной чашей испила то, что выпало на долю «кулацкого отряда». Ведь только так характеризовали всюду, где доводилось появляться.

...Дождались. Выпали за юлия... — Александру Исаевичу 80 лет исполнилось. Жаль, не все дожили, кто встречи с ним чаял.

стояние. До восьмидесятых годов она жила на Ставропольщине, в Георгиевске, в доме №109 по улице Бойко. Ее мазанка под битой черепичной крышей, похожая на большую собачью будку, стояла в окружении тоже частных, добрых кирпичных домов. Именно сюда после ссылки наведалась писатель, именно здесь он часами рассказывал Ирину Щербак об истории их семьи, и часть услышанного от нее вошла в книгу «Август четырнадцатого».

А теперь я прибегну к гамбургскому журналу «Штерн» самого начала семидесятых: «Все персонажи книги Солженицына, названные подлинными именами, мертвы, за одним исключением. Ее зовут Ирина, и автор представляет ее в самом начале повествования как очаровательную, молодую и очень багатую женщину, мух которой, Роман, одетый по английской моде, помешал. Кто такая Ирина? Репортер журнала Дитер Штейнер установил, что зовут эту женщину Ирина Ивановна Щербак, она приходится Солженицыну теткой, невесткой его матери».

А что же с матерью? Она умерла в 1944 году в Георгиевске от туберкулеза. Я долго искал ее могилу на старом, подготовленном под бульдозер кладбище. Собственно, взору предстала свалка, а не умиротворяющий душу погост. Орать хочется:

его иногда и Солженицыном, нет, не в честь писателя. Александр Исаевич здесь ни при чем. Люди помнят его деда — Семена Ефимовича Солженицына. До революции это был состоятельный хозяин. Имел около двух тысяч десятин земли, держал овец, число которых доходило тогда до двадцати тысяч. Понятно, в таком хозяйстве требовались помощники. Нанимал батраков. И тридцать, и сорок, и пятьдесят. Число их менялось в зависимости от особенностей каждого года. Но, как бы там ни было, себя Семен Ефимович от физического труда не освобождал. И домочадцев к тому приучал, прежде всего сыновей — Исаю, Василия, Константина, Илью. А дочь Мария была помощницей матери. В семье не знали распри. Односельчане любили Семена Ефимовича — и совет добрый даст, и на подмогу никогда не поспукит.

Из семьи Солженицыных на мировую войну ушел старший из сыновей — Исаю. Ждали его долго. И вернулся офицер в дом с женой. Где-то на фронтовой дороге встретил землячку — из Кисловодска, и у них все сладилось. Жить переехали в курортный город. Правда, у отца Исаю Семенович был регулярно, любил походить с двухстволкой по стеним просторам. На охоте и приключился с ним беда: смертельно ранил сам себя... Сын Александр родился в Кисловодске лишь через